

Театр на фронте

ИЗ ЗАПИСОК
РЕЖИССЕРА

Перед началом концерта к нам подошёл боец и осторожно спросил: «Скажете, пожалуйста, смешное будет?» Боец этот не выглядел особым весельчаком, и нам сразу стало ясно, что это не только его «личный» вопрос. Если бы мы ответили, что смешного не будет, он, вероятно, отнесся бы к этому с должным уважением. Но надежда, которую мы расслышали в его вопросе, точно определяла желание всей части, перед которой нам предстояло выступить. Мы успокоили его и сказали, что смешное будет.

Действительно, смешное было. Шёл спектакль «Свадебное путешествие». Мы с радостью могли наблюдать, как на лицах бойцов появилась улыбка, потом раздался смех и через пятнадцать-двадцать минут взрывы хохота многочисленной нашей аудитории стали заглушать дальние разрывы снарядов.

Контакт со зрителем был найден. Дружба и взаимная симпатия между актёрами и зрителями росли с каждым актом спектакля. Мы чувствовали, что не подвели нашего зрителя, что мы, пожалуй, действительно здесь нужны.

В другой раз спектакль начался после того, как бойцы (3000 человек) совершили многовёрстный марш. Мы знали, что они очень устали, и боялись, что нам не удастся овладеть их вниманием. Кстати, нужно ли вообще в такой момент наше выступление? И снова смех, верный наш товарищ, сделал своё дело. Бойцы ушли после спектакля одуховлёнными, в прекрасном расположении духа.

Нам рассказывали, как, много времени спустя, в окопах, бойцы вспоминали особые понравившиеся смешные места в спектакле, и снова рождался смех, рождалась радость.

Не следует, конечно, делать вывод, что на фронте нужно только смешить. Нужна и драма, и высокая трагедия, но смеху здесь принадлежит почётнейшее место.

Аудитория на фронте находится в состоянии большого эмоционального напряжения. Бойцы спокойно сидят на спектакле, но всё время ощущаешь, что они как бы готовы к прыжку. Война требует предельного напряжения всех человеческих сил. Всё второстепенное уходит на второй план. Большие чистые мысли и чувства владеют человеком. О войне здесь не думают, ею живут. И именно потому, что человек всего себя отдаёт бою, сражению, именно потому, что он проникнут ненавистью к врагу, в его душе особые силы, и горячи привязанность к родному дому, к детям, к любимым, к той жизни, которую он здесь защищает. Эти образы милые и близкие каждому, всегда — в сердце бойца. Поэтому и в суровой походной жизни бойца не покидает чувство лирического. Искусство должно ответить на эту потребность.

Не так просто это сделать. Одного только профессионального умения для этого недостаточно. Необходимо так подобрать репертуар, найти такую простую душевную и вместе с тем высокую художественную для него форму, чтобы слова, звучащие со сцены, были близкими и родными всей разнообразной аудитории бойцов.

У нас в репертуаре была лирическая песенка о старой матери, ожидающей сына. В одной из дивизий, солидный боевой генерал с особым вниманием слушал эту песенку и не скрывал слёз, которые навёртывались на его глаза. Рядом сидела старая колхозница (дело было в одной из освобождённых деревень) и тоже плакала. Что-то общее взволновало этих разных людей. Затронуты были простые и большие чувства. Генерал считал, что эта песенка рождает у бойцов гнев и ненависть к врагу больше, чем иная пьеса с большим количеством холостых выстрелов и лёгких подвигот. Мы с ним были совершенно согласны.

Это, конечно, частный пример, но он

очень показателен: душевность и простота, так же, как юмор, находят верный путь к сердцу бойца. Если художник нашёл эту душевную простоту исполнения, не снижая мастерства и высокого вкуса, не подменяя мужественную лирику сентиментальностью, — значит, он идёт путём настоящего искусства. Ибо тронуть, потрясти и подлинно взволновать аудиторию может только настоящее искусство.

Два пути есть для актёра в работе на фронте. Один из них — трудный путь суровой внутренней оценки своей работы, и более легкий путь внешнего успеха.

Нужно прямо сказать, что успех на фронте почти всегда обеспечен. Бойцы рады всякой программе, иногда даже слабой. Они рады самому факту приезда актёров. Не следует поэтому обольщаться внешним успехом. Бойцы, как правило, слишком добры к актёрам. Они деликатно скроют, что спектакль или концерт им не очень понравился, и всё равно наградят актёров горячими аплодисментами. Памятуя об этом, на фронте нужно быть вдвое, втрое приличнее и строже к себе, чем в обычной обстановке. Нужно точно различать, действительно ли ты по-настоящему тронул и взволновал свою аудиторию. Нужно суметь отделить успех, полученный тобой по заслугам, от успеха, который рождён самым фактом приезда актёров. К этому обязывает нас, актёров, наш фронтовой зритель, если мы хотим так же успешно сражаться искусством, как это делает он своим оружием.

Какие традиции театра имени Вахтангова помогли нам в работе на фронте? Первая — это органически усвоенная вахтанговцами железная дисциплина на сцене. Е. Б. Вахтангов последние спектакли «Потопа» играл, уже будучи тяжело больным. Однажды, когда после окончания акта дали занавес, он лежал на сцене без чувств, но акт доиграл. Сознание того, что актёр не имеет права уйти со сцены, что бы ни случилось, оказалось сильнее болезни. Это качество, воспитанное Вахтанговым в своих учениках, а за-

тем усвоенное следующими поколениями воспитанников школы театра, очень пригодились на фронте. Во время спектакля, в какой бы обстановке он ни шёл, — начинался ли обстрел, ложился ли снаряд ближе, чем это было бы желательно, — актёр выходил на сцену, владея всеми своими силами.

Одна из наших совсем молодых актрис попала однажды в затруднительное положение. Во время её номера вокруг стало довольно шумно. Аудитория невольно, по привычке, часто пригибалась к земле. Но артистке и в голову не пришло, что можно уйти со сцены. Она спокойно закончила свой номер. Всё обошлось благополучно. Так уроки мирной школы на Арбате принесли свои плоды на фронте.

Второе. Актёры театра Вахтангова привыкли ощущать себя строителями театра, а не только служащими в нём. Когда это нужно театру, можно и должно выполнять любую работу. Как-то перед премьерой спектакля «Лев Гурыч Синичкин» актёры ночью сами вырыли место для оркестра.

Чувство студийности, в настоящем, хорошем смысле этого слова, очень пригодились на фронте. Все необходимые работы — погрузка, разгрузка, установка декораций, работа костюмера, парикмахера — все эти обязанности быстро распределялись между участниками бригады и воспринимались, как обычная студийная работа. А если студия, — значит, надо заниматься её строительством и коллективно отвечать за её работу. На фронте это имеет очень большое значение. Это позволяет при любых условиях создать настоящую атмосферу театра, атмосферу слаженного, чётко работающего организма. Эту организованность и внутреннюю дисциплину актёров бойцы сразу чувствуют и чрезвычайно ценят.

Е. Б. Вахтангов учил, что в театре должно быть празднично. Он мечтал о том, чтобы зрителя, начиная со входа в театр, охватывало чувство радости. Этот завет необходимо помнить на фронте. Приезд актёров должен быть праздником. Те немногие декорации, которые привозят на фронт, костюмы, сопровождающая спектакль музыка, дисциплина и собранность в поведении самих актёров — всё должно создавать атмосферу праздника. Это не значит, конечно, что следует петь и танцевать, сходя с грузовика. Наоборот,

чёткая и быстрая организация спектакля или концерта, забота о чистоте и аккуратности костюмов, реквизита, грима, умение во время выступления забыть о всех трудностях (а их, конечно, немало), работать легко, собранно и изящно — всё это создаёт ощущение праздника.

«У нас было много слов до войны, громких и нежных. У нас будет ещё больше слов после победы... Но теперь у нас осталось одно слово, самое заветное, самое дорогое, в нём всё наше сердце, в нём вся наша тоска, в нём вся наша надежда, короткое слово — вперед!», — пишет И. Эренбург. — Искусство и сейчас должно иметь много слов громких и нежных. Может быть, даже больше, чем раньше. Но все они должны быть подчинены этому короткому слову — вперед! И смех, рождённый актёром, и слёзы, вызванные его игрой, песенка, онекая актрисой, и большая пьеса, сыгранная труппой, самый факт приезда актёров на фронт — всё должно быть подчинено одному стремлению, одному желанию, которым живёт вся наша страна, — стремлению помочь нашей армии.

Приятно и интересно ставить спектакли о любви, но нужно говорить сейчас о такой любви, которая рождает и питает ненависть, о такой нежности к друзьям, которая рождает бы беспощадность к врагу. Прекрасны и близки сердцу любого бойца описания природы родной земли в русской литературе, но и их нужно так отобрать и так прочитать, чтобы это рождало жажду мести за родную землю. Всегда следует помнить, что искусство на фронте должно прежде всего отвечать требованиям войны. Это вопрос такта, фантазии, таланта, но мы все обязаны уметь сочетать поэзию в своей работе с глубокой агитационностью.

Е. Б. Вахтангов говорил, что художник обязан всем своим существом слушать современность, откликаться на неё, работать даже над вещами не современными. Нужна внутренняя точная устремлённость в своей работе. Это трудная задача. Пожалуй самая трудная. И это нам не всегда удаётся. Добиться этого — наш долг.

16 января 1943